

Ригодан

RIGODON

CELINE
LOUIS-FERDINAND

Ригодан

СЕЛМАН
ЛУИ-ФЕРДИНАНД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С29

Louis-Ferdinand Celine
RIGODON

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Селин, Луи-Фердинанд

С29 Ригодон / Луи-Фердинанд Селин / пер. с фр. М.Климовой –
Москва: Издательство АСТ, 2015. – 416 с. – (Книга non grata).

ISBN 978-5-17-092303-8

Луи-Фердинанд Селин (1894–1961) – классик литературы XX века, писатель с трагической судьбой, имеющий репутацию человеконенавистника, анархиста, циника и крайнего индивидуалиста. Автор скандально знаменитых романов «Путешествие на край ночи» (1932), «Смерть в кредит» (1936) и других, а также не менее скандальных расистских и антисемитских памфлетов. Обвиненный в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями в годы Второй Мировой войны, Селин вынужден был бежать в Германию, а потом – в Данию, где проводит несколько послевоенных лет: сначала в тюрьме, а потом в ссылке...

«Ригодон» (1969) – последняя часть послевоенной трилогии («Из замка в замок» (1957), «Север» (1969)) и одновременно последний роман писателя, увидевший свет только после его смерти. В этом романе в экспрессивной форме, в соответствии с названием, в ритме бурлескного народного танца ригодон, Селин описывает свои скитания по разрушенной объятай пламенем Германии накануне крушения Третьего Рейха. От Росток до Ульма и Гамбурга, и дальше в Данию, в поездах, забытых солдатами, пленными и беженцами... «Ригодон» – одна из самых трагических книг мировой литературы, ставшая своеобразным духовным завещанием Селина.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-092303-8

© Editions GALLIMARD, Paris, 1960
© Маруся Климова, перевод
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Посвящается животным

Я прекрасно вижу, что Пуле на меня обижен... Робер Пуле^[1], приговоренный к смерти... он больше не упоминает меня в своих статьях... а раньше я был великим... несравненным... теперь же случайное слово, да и то как-то вскользь. Я знаю, откуда это пошло, мы ведь поругались... он вконец достал меня своими разговорами!.. вы уверены, что ваши убеждения никогда не приведут вас к Богу!

– Бля, да точно нет!.. совершенно уверен! я разделяю взгляды Нинон де Ланкло^[2]! добрый Боженька – изобретение попов! я абсолютно антирелигиозен!.. это моя единственная вера!

– Что за авторитет эта ваша Нинон!.. и это все, Селин? гм! гм!

– Нет! нет, Пуле! это еще не все!

– Ах!.. я жду! мне очень интересно!

– Все религии «Иисусика» – будь то католические, протестантские или иудейские – один хрен! мне они все по фигу! распластался ли он на кресте, или его глотают в виде облаток – без разницы! тот же обман! бредни! жульничество!

– Ну и?

– Но и это еще не все! Попробуйте следить за мной, мой дорогой болван.

– Валяйте! Валяйте!

– Существует только одна религия: католическая она, протестантская или иудейская... все это филиалы лавочки «Иисусика»... как, они же грызутся, даже порой начинают мочить друг друга?.. пустяки!.. кровавые корриды – это так, для зевак! единственная подлинная великая работа, которую они выполняют в глубочайшем согласии... оболванивание и разрушение белой расы.

– Как это, Селин? о чем это вы?

– Смешать, сочетать браком, черт побери! со всеми таинствами! Аминь!

– Что-то я плохо вас понимаю, Селин...

– Да поймите вы, чертов смертник! кровь всех цветных рас является «доминирующей»... желтых, красных, фиолетовых... а кровь белых является «доминируемой»... всегда! дети от ваших замечательных смешанных браков будут желтыми, черными, красными, но только не белыми... белыми они уже не станут никогда!.. фокус-покус! вот вам ваши благословения!

– Но христианская цивилизация!

– Выдумки, Пуле! миф! мошенничество! обман!

– И все же! великое изобретение.

– Скрещивание пород! разрушение идет уже двадцать веков, Пуле! и ничего другого! для этого и выдуманно! изобретено! любое изобретение несет в самом себе с самого своего рождения и свой собственный конец, свою смерть!

– Так что же, церковь убивает, Селин?

– Именно! и вас вместе с собой! она только этим и занимается, эта ваша Церковь! в задницу ее!

– Вы слишком любите парадоксы! Селин! китайцы никогда не были расистами!.. и негры тоже!

– Бросьте вы эту туфту! стоит им заявиться сюда всего на какой-нибудь годик, как они тут всех опустят! шутка ли! белые исчезнут навсегда! как будто этой расы никогда и не существовало... «слабый оттенок на лице», и все! остаться должны только черные и желтые! а белого человека скрещивает сама его религия! религии! иудейская, католическая, протестантская... белый человек обречен! он уже не существует! так можно ли во что-нибудь верить?

– Не смешите меня, Селин...

Больше я Пуле никогда не видел... время от времени я читал его статьи... какие-то слабые намеки... и все... я слегка перегнул палку...

* * *

Дрррринг!.. звонит мсье журналист...

– Мэтр!.. Мэээтр! не будете ли вы так добры прочитать письмо, которое мы вам адресовали?

– Мсье!.. мсье! письма!.. все письма я уже с незапамятных времен отправляю в корзину!.. не читая!.. иначе, что бы со мной было!

– Мэтр, о дражайший мэтр! ваше мнение! всего два слова!

- Но, черт побери, у меня его нет!
- О, есть, мэээтр!
- О чем, черт бы вас побрал?
- О нашей молодой литературе!
- Об этом затхломе старье? ни хрена себе дела, да ее уже давно не существует! какое-то невнятное бормотание!
- Напишите это нам!.. очень... очень почи.... та.. та! емый! Мэтр!
- Не так быстро! вы могли бы все позаимствовать и у Брюнетьера^[3]! он уже все сказал!
- О, из ваших уст! из ваших! дражайший мэээтр!
- И вы больше не будете меня доставать? больше никогда не придете?
- Клянусь! клянусь! мэээтр!
- Он сказал, что всю литературу сожрут!
- И кто же, мэтр?
- Шарлатаны!
- Напишите нам об этом, мэтр! мэтр!
- Нет уж, дудки! я снова начну писать, только когда у меня опять вырастут зубы!
- А если мы все же к вам придем? мы очень дорожим вашим мнением...
- Не моим! Брюнетьера! мальчики! Брюнетьера!
- Ну окажите нам эту честь! мэтр! для нашей газеты! будьте так добры!
- Какой еще газеты?
- Как сделать так, чтобы они от меня отстали?

– «Надежда»!

– Никаких надежд больше нет, бедняжки!

– О, какая жалость, напишите нам про это! мэтр! мэтр, молодежь вас не знает!

– Ну, хорошо, ублюдки! пусть заходят, если уж так приспичило, только гуськом, на полусогнутых, и трепеща от почтения! и пусть попридержат свой поганый язык...

– Молодежь от вас отвернулась! мэээтр! вы недооцениваете Францию, ее замечательные ресурсы, Алжир, Академию, ее членов!

– К черту, я сказал! все! все это! такой страны больше нет, остались одни Распорядители!.. процессий и похорон... сотни языков, куда более мощных, чем наш, уже исчезли! вы хотели бы говорить на хеттском? или на арамейском?

– Ну, тогда тем более, дорогой мэтр, мы к вам придем! ваших слуг мы выгоним, ваших собак уьем, и выпустим вам кишки! вместе с вашими прогнившими отъехавшими мозгами! алло! алло! вы нас слышите? вы все поняли?

– Ну, е-мое! я обалдеваю! жестокое интервью! что ж, я готов! в клетку к диким зверям! римский коллоквиум! я отведу душу!

– О да! о, мэтр!

– Приходите! Приходите быстрее, дорогие ребятки! я задушу вас в объятиях! я вас оттрахаю!..

– Мгам! Мгам!

* * *

Здоровенный толстяк и тщедушный замо-рыш... вот и они!.. я запираю собак в загоне... что-бы эти двое не пошли потом всюду трепать, будто я натравил на них своих хищников... оба эти мо-лодых человека, толстый и тощий, все покрыты угревой сыпью, не слишком опрятные и холеные, с плохим запахом изо рта... вид упертый, можно даже сказать, угрюмый, из убежденных... неразго-ворчивые... да мне, собственно, все равно... я их сюда не звал, но они здесь... ну и что дальше?

– Вы из «Надежды»?

– Именно, Селин! нас и наших друзей уже дав-но интересовало и продолжает интересовать, действительно ли вы такой гнусный тип, как все говорят... мы пришли вас об этом спросить.

– И кто ваши друзья?

– А, ну прежде всего это гигант мысли Кусто!

– Дерьмецо еще то, особенно во всем, что каса-ется меня!.. и где же этот мудак теперь?

– В «Же сюи парту».

– Так, сотрудник Леска и «Propagandastaffel»^[4].

– Он написал, что немцы регулярно платили вам жалованье, он это так прямо без обиняков, черным по белому и написал в нашем «Ривароле»! а один «Ривароль» стоит десяти «Юманите»! запомните это! запомнили?.. что вы на это скажете, Селин?

– Не надо так напрягаться, мальчики! если бы я отвечал на все подобные бредни и ерунду в га-

зетенках и в журналах, весь остаток моей жизни ушел бы на это!.. а мне еще нужно закончить свою хронику и оплатить огромные долги!.. жалкие завистники и неудавшиеся депутаты, вроде Кусто, только и могут, что морочить головы таким молодкососам, как вы...

Забавно все же, доложу я вам... подобных упертых кретинов можно встретить и среди правых, и среди левых, и среди центристов... во все времена... один к одному!.. энергичные и злобные ублюдки... подонки, заговорщики из Гизов^[5], сторонники Шамбора^[6], Смелого^[7]!.. самого Дьявола! Этьена Марселя^[8] или Жуановиси^[9]... из года в год!.. и в будущем тоже! на фоне сисек и ляжек кинозвезд!

– Селин, мы спрашивали вас по телефону и спрашиваем еще раз: до чего вы способны дойти в своем эгоизме, подлости и трусости?

– О, я способен на многое, дорогие друзья!

– Да, но осторожнее, Селин, у вас остался последний шанс! мы пришли вас предупредить! присоединяйтесь к нам! иначе свершится правосудие! хватит! хватит уже метаний!

– Черт! а я-то думал, что дело уже в шляпе!

– О, пока еще нет!.. наше правосудие! должно все тщательно взвесить!

– Ну и что?

– Так вы еще не читали?.. конечно, вы же ничего не читаете!.. только, наверное, какие-нибудь пакости!

– Пощадите! пощадите! я хочу знать!

– Программа новой волны! в нашей «Надежде»... это послание верховного Ясновидящего! слушайте, несчастный, думайте и запоминайте! «в полном соответствии с ходом Истории, Франция и Германия скоро станут братскими странами»^[10].

– Ну, в таком случае, выметайтесь отсюда ко всем чертям! этого я слушать не стану! ублюдки! и чтобы я вас тут больше не видел! вот наглецы! я спускаю собак!

Я иду! те и так уже были готовы их растерзать... и вот я один!.. эти два жутика исчезли! как ветром сдуло...

* * *

Несмотря на то что я действовал стремительно, и мне потребовалось всего несколько минут, чтобы выставить этих шутников за дверь, на следующий день об этом происшествии трезвонили во всех редакциях и кафе. Подумать только, этот опустившийся гнусный тип поднимает голову, ага!.. и на что он замахивается!.. поносит нашего властителя дум последними словами! Ко всему прочему, он утверждает, что его ограбили!.. бросили в тюрьму и т.д.... и т.п.... а он, якобы, был искалечен на войне на 75 процентов из 100... и военной медалью награжден задолго до Петэна.

Черт! меня это все-таки слегка задевает!.. я все перерываю, перетряхиваю, и нахожу.. я проти-

вопоставлю им текст!.. это лучше, чем стихи!.. быстренько, пресс-конференция, я ее созываю... и зачитываю!.. текст Баржавеля^[11]...

«Для меня во всем двадцатом веке до сегодняшнего дня существует лишь один новатор – это Фердинанд. Скажу больше, единственный писатель. Я надеюсь, что это тебя не обидит. Настолько он выше нас всех. То, что его мучат и преследуют, нормально. Но это все же ужасно, потому что он живой человек, однако он настолько велик, что ты невольно рассматриваешь его как бы вне времени и обстоятельств, которые давят на него. Я убежден, что, чем более велик человек, тем больше он подставляет себя своим мучителям. Спокойствие – удел посредственностей, тех, кто не выделяется в толпе... Селин хотел бы вернуться в Париж или во Францию, и ты делаешь все, что можешь, чтобы ему помочь, но запомни: где бы он ни был, его будут преследовать. Его желание обрести покой в любом другом месте, а не там, где он находится – это лишь мечта. Он не найдет покоя нигде. Его будут травить до самой смерти, куда бы он ни отправился. И он это хорошо знает. Он ничего не может с этим поделать, мы тоже. Мы можем только при каждом удобном случае напоминать всем о его величии, однако, поступая так, мы навлекаем на него удесятенную ненависть мелких и посредственных кастратов, всех тех, кого начинает корезить от злобы и зависти,